Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БИБЛИОТЕЧКА
АГИТАТОРА И
ПРОПАГАНДИСТА

Выпуск 92

СЕРИЯ „КТО ТАКИЕ НЕМЕЦКИЕ
ФАШИСТЫ И ЧЕГО ОНИ ХОТЯТ"

КНИЖКА 18

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

О НЕМЕЦКОМ САДИЗМЕ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „СТАЛИНСКОЕ ЗНАМЯ"
Пенза 1942

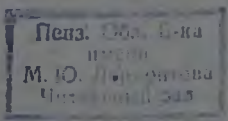
Смерть немецким оккупантам!

63.3(2)622,6кр
Т46

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

О НЕМЕЦКОМ САДИЗМЕ

34511.



ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „СТАЛИНСКОЕ ЗНАМЯ"
Пенза 1942

Отв. редактор Н. П. СТРАХОВ.
Техн. редактор Г. М. ГОРЕНШТЕЙН.
Рев. корректор О. П. ГАРОЗА.

ФЛ7597. Формат 4х6 кв. Об'ем 12 стр. Тир. 5.100. Зак. № 276

Типо-литография издательства „Сталинское знамя"
Пенза, ул. Кирова, 65.

В маленьком тихом немецком городке Мюнстербурге жил старый холостяк по имени Денке. Он любил розы и капусту. Жители городка считали его добродушным, безобидным человеком. Однажды в 1924 году из этого уютного домика с дикими криками выскочил человек в разодранной одежде. Он вопил, что его хотели убить, и убить хотел не кто иной, как сам Денке. Вопивший оказался нищим, которого пригласил в домик Денке. Его забрали в полицию и сначала не поверили ему, решили, что он возводит поклеп на тихого старичка. Но он так клялся и так подробно рассказывал о том, как его душил Денке, что старичка под ропот его соседей пришлось арестовать. В тюрьме он повесился.

Тогда пришли в его домик и там обнаружили, что всю жизнь в Мюнстербурге жил людоед. Он жрал людей. Он сожрал уже около тридцати человек. Убивал он с садической немецкой аккуратностью. Он завел специальный гроссбух, куда по графам заносил все сведе-

ния о жертвах. Он записывал день рождения, местожительство, занятие сожранных. Он взвешивал их и заносил по графам: мертвый весит 122 килограмма, голый—107, выпотрошенный—83. Из кожи он делал подтяжки и переплеты для книг своей библиотеки, из костей точил пуговицы и шахматы. Мясо он солил, кормил свою собаку, ел сам и продавал под видом свинины своим согражданам. Зубы он коллекционировал: задние клал отдельно от передних, плохие отдельно от хороших. Все это он хранил в банках и пакетах. И все считали его мечтательным, спокойным немецким чудаком. А этот чудак устраивал кровавые пиршества, потрошил людей, как куриц.

Жажда зверства, овладевшая им, все росла и росла. Он не мог остановиться. Если бы ему позволили, он сожрал бы всех жителей городка. И это было не в средние века. Это было менее двадцати лет назад.

Менее двадцати лет назад кровавый фашизм начал свою людоедскую работу, так же подземно, тайно, как Денке. Потом он вышел наружу. Разве фашистская Германия Гитлера не похожа на этого людоеда со своим «государственным» садизмом, со своей жаждой крови, зверств, казней? Разве она не имеет своих

гроссбухов, куда тщательно заносятся ее жертвы? Она записывает все невольничьи кости покоренных народов, она записывает «пушечное мясо» своих вассалов и тощее мясо рабов, привезенных на невольничьи рынки Германии, где их взвешивают в одежде и голыми (как это делал Денке), прежде чем присудить к распределению на уничтожающей каторжной работе. Она, эта фашистская Германия, ставит своей задачей истребление целых народов. И она, как Денке, притворялась годами, пыталась изображать мирную страну, увлеченную повседневной работой. Туристы приезжали любоваться сентиментальной тишиной романтической страны. В один прекрасный день людоеды Гитлера ворвались в дома соседей, перешли все границы и начали кровавую вакханалию.

И тогда все увидели, что это—страшное племя садистов, которое долго обманывало мир и, наконец, явилось открыто со своими требованиями на мировую власть. «Третья империя» Гитлера воспитала все садические инстинкты немцев, доведя их до умоисступления. Один из помощников фюрера Раушниг писал об этих людях: «Растет поколение, для которого все человеческое является чуждым. Люди, которые созданы, как какие-

то патентованные машины, люди, у которых моральные сдерживающие центры отсутствуют и духовная личность которых парализована: животные, живущие лишь текущим моментом, без будущего и без надежды и специально созданные для этого, как живые совокупности мышц и нервов».

Садизм всегда сидел в существе немецкого характера, но его прятали, как прячут идиотов или сумасшедших. Он вырывался изредка наружу. А теперь он получил полные права.

Извращения, жившие в немецком быту, были знакомы издавна. Еще в девяностых годах прошлого века Октав Мирбо привел свою встречу с французом, долго жившим в Германии. Этот француз говорил: «Немцы по натуре педантичны, бестактны, безвкусны, и у них самый разврат происходит по правилам науки».

Мы помним немецких лейтенантов, описанных Мопассаном и Золя, которые из садизма закладывали маленькие мины под горки фарфора и садически издевались над оккупированными жителями. В немецкой дисциплине, тупой и идиотской, нашло свое отражение это садическое чувство покоряться кнуту, окрику, палке, благоговеть перед топором палача,

падать в пыль перед обожествленным фюрером, обожествлять какую-угодно власть держиморд и убийц, увешанных орденами и украшенных мишурой.

Растление шло отовсюду. Современный председатель фашистского союза писателей Ганс Гейнц Эверс печатно признавался, что писатель — это проститутка, которая служит кому угодно за деньги.

Немецкий садизм был смешан с палаческой сентиментальностью. Если Денке любил нюхать розы после того, как сжирал очередного немца, то Гитлер увлажненным взглядом смотрит на клетку в Берхгесгадене, где у него поют за решоткой восемьдесят птиц, свезенных из разных стран. Этот палач плакал, когда одна из пленниц околела. Люди для него — навоз, немецкая грязь, из которой он лепит все, что ему угодно, а птички — это неведомые создания. Ах, птички! Околевшей птичке он велел поставить памятник.

Если Денке был суеверен и боялся разбитого зеркала, то людоед Гиммлер, бледный, как вампир, с накрашенными губами, молчаливый, как застенок, имеет одну странность — это цифра «три». Он должен за столом сожрать три яблока, три картофелины, иметь при себе три по-

писал записку, и старуха шла десять километров до комендатуры, где садист другого ранга, прочитав записку, избил старуху до потери сознания.

Эти садисты всюду одинаковы. В Варшаве они под видом раздачи хлеба населению кидали в грязь куски хлеба и снимали изголодавшихся людей, бросавшихся за хлебом в грязь. В Двинске они отравили множество детей, сказав, что на них жалко пуль. Перед этим они расстреляли их родителей. В Париже они сняли все памятники под видом поисков металлического лома. Этим они хотели поразить садически французов, уязвить их национальное чувство, унизить их гордость, уничтожая памятники лучшим представителям французского народа.

Они добивают своих раненых, чтобы не возиться с калеками. Между Норвегией и Германией постоянно курсирует пароход «Гитлер». Это — госпитальное судно, перевозящее раненых в Норвегию. Но пароход всегда приходит пустым. На него грузят тяжело раненых, которые находят свое успокоение на дне пролива в ночь переезда. Это страшный плавучий дом смерти.

Садисты громят Ясную Поляну и домик Чайковского, оскверняют могилу Шевченко, разрушают дворцы под

Ленинградом и старые памятники древности русского народа.

Для этих скотов не существует человеческих чувств. С каким-то особым палаческим сладострастием они пытают детей и женщин, раненых и больных. Будь жив Денке, людоед из Мюнстербурга, он был бы у них не последним человеком.

Чудовищные преступники уничтожают все живое на нашей земле. Все, что было болезненно-преступного в немецком народе, всплыло наверх, получило жуткую власть, называемую фашизмом. Неутолимая потребность рвать человеческое мясо, крошить человеческие кости, с визгом упоения слушать стоны своих жертв живет в этих человекоподобных, которые называются немцами. Эти людоеды имеют чины, раздают друг другу ордена за преступления против человечества, «организовывают» имения, говорят о будущем владычестве над всем миром. К садическому бреду присоединяется бред сумасшедшего. Весь мир кажется им застенком, где они купаются в крови.

Римский император Каракалла, человек преступный и разнузданный, устав от казней, пресыщенный ими, воскликнул: «Как жаль, что человечество не имеет одной головы. Я бы отрубил ее, одним ударом кончил все разом!» Немецкие са-

дисты против быстрого истребления. Они хотят мучительными, долгими казнями и истязаниями истребить народы. Им надо наслаждаться пытками, длить их, взвешивать мясо своих жертв, пилить их кости, употреблять их в хозяйстве, как Денке, у которого ничего не пропадало даром: из кожи выходят неплохие подтяжки, из остатков кожи — шнурки для ботинок.

Этот страшный мир палачей-садистов должен быть уничтожен. Не может быть пощады бешеной собаке, бросающейся на людей. Но они в тысячу раз опаснее, хуже, отвратительнее бешеного зверя. Они — сумасшедшие особого вида, им нет места ни в одной больнице, их место — в могиле, в безвестной яме. И чем скорее, тем лучше. Их нужно истребить без остатка. Людоед Денке повесился. Эти не повесятся. Их нужно кончить самим, иначе они сожрут половину человечества, чтобы пытать другую безнаказанно.

Во имя человечности нужно истребить фашистских людоедов во главе с их кровожадными главарями, чтобы не оставалось и следов этой страшной заразы, не имеющей подобного во всей мировой истории.

Пенз.-Обл. б-ка
имени
М. Ю. Лермонтова
Читальный зал

Цена 50 коп.